

655

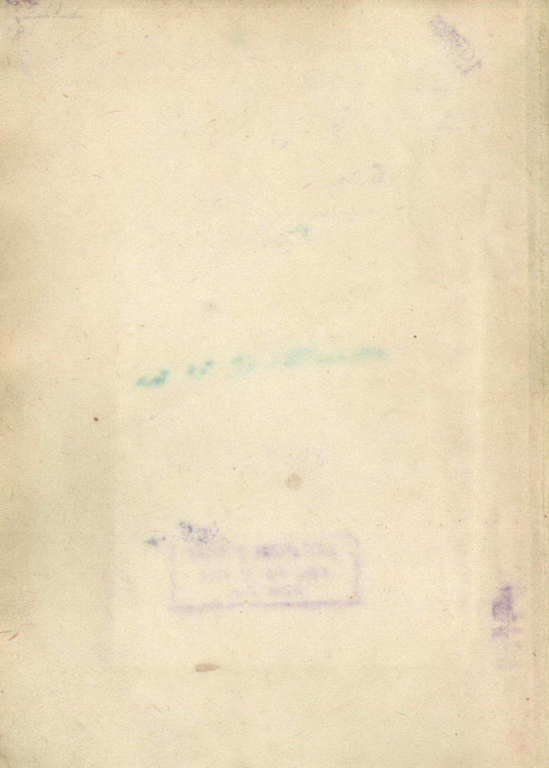
ЖС-74.

БОРИС ЖИТКОВ

ПРО ЭТУ КНИГУ

3
1931
ЖС 74
58
74
ЖС 743

БОРИС ЖИТКОВ

ПРО ЭТУ КНИГУ

Проверено 34 г.

РИСУНКИ И ЧЕРТЕЖИ
М. ЦЕХАНОВСКОГО

3-е издание

ОГИЗ • МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА • 1931 • ЛЕНИНГРАД

0

13443

1957-88 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ СНИЖИ
ДЕТГИЗА

ОГИЗ Д-82—881/л. 2-й кв.
Ленинградский Областлит № 9 383. Тираж 30.000. Печ. л. 1^{1/2}. Зак. № 490.
11-я тип. ОГИЗа РСФСР „Молодая Гвардия“. Ленинград, В. О., 5 линия, д. 23.

«Я, старое и ржавсе,
Живу теперь в отставке,
В моих чернилах плавают
Противные козявки».

(С. Маршак «Вчера и сегодня»)

А Про эту книгу.

Вот. Я написал „Про эту
книгу“, а книги-то пока ~~нет~~
никакой нет. Книга еще бу-
дет. Это я надеюсь, что пока
я буду писать, как эту книгу
сделать, — гляди, уж целую кни-
гу напишу. А пока что — пишу
герниамми. Да и герниа драм-
ные. Какие-то козявки на дне. Бо-
ли клону пером — рака подмало.
Какого-нибудь. Эту вот сгран-
цу попрошу, чтоб напечатали,
как есть — со всеми кляксами, что
вы видите, с чего начинается. А
там дальше пойдет по-педаго-

*Зму. — Это не го, што я етану
выводить печатными буквами —
я б такою нагороуи, што и не
разобрать ничего. И криво ись-
со, да такими бы коракунду, што
и саому потои не про-
гесть. А шавное-надоено бы.
Две сираица вон бы отгорел
потолам и бросил. Ну еи с этой
книгой! А я еду писать вот так как
сейчас, а потои отдам в ути графичо.*

А теперь смотрите, как легко читать: это уже
пошло по-печатному.

КАК РАНЬШЕ БЫВАЛО.

Было время, что люди сидели и по-печат-
ному гусиным пером выписывали толщенные
книги. Годами писали. Целый день чело-
век сидит и лепит букву к букве. Доходит до
новой главы и тут уж на радостях начальную
букву завернет такую — что загляденье: и за-
витки, и шарики, и стрелки. Да еще красной
краски подпустит.

Все равно спешить некуда, дело долгое.
А начальная буква — это как будто станция.

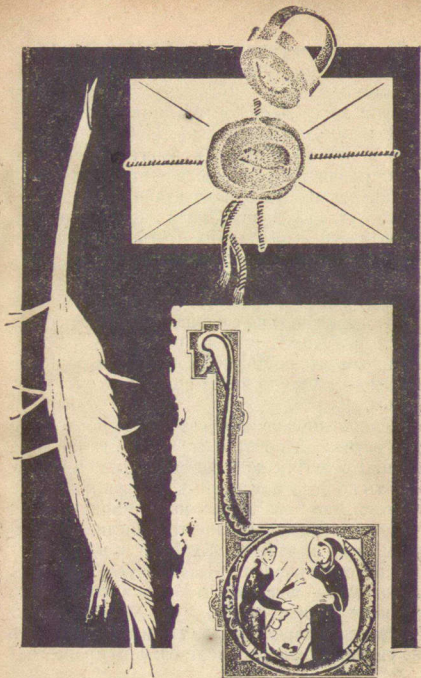

Рис. 1.

Иной переписчик целую картину разрисует: мелко, чистенько, аккуратно. Нарисовал — и в новый путь: шагай по буковке тысячи верст до новой станции.

Большие мастера были! На иную старинную книгу смотришь — и верить не хочется: да неужели же вручную все это сделано?

Так ровно, будто напечатано.

Но уж сыздавна люди знали печати. Печати эти вырезали на драгоценном камне: портрет или зверя какого-нибудь. Камень этот вставляют в перстень и носят на пальце. Когда надо запечатать письмо — залепят письмо воском, а на воск надавят печатью. На воске получится оттиск, выпуклый, рельефный отпечаток. Можно, конечно, вырезать и буквы, — тогда на воске получатся выпуклые буквы.

Теперь письмо запечатывают не воском, а сургучом. А печать режут не на камне, а на меди. Но людям долго не приходило в голову делать на печати выпуклые буквы и мазать их краской, вот как теперь на штемпелях.

Совсем близко около этого были: пальцы чернилами мазали и тыкали ими в бумагу — это вместо подписи. Потому что грамотных мало было — пожалуй, что одни писцы только и умели толком писать.

Русские бояре, бывало, что и совсем писать не умели. Нужно расписаться: чего проще! на-

мазал палец чернилами и припечатал. Так и говорилось: «к сей грамоте руку» приложил...»

Но вот догадаться вместо пальца приложить вырезную букву — долго никому в голову не приходило.

ДОГАДАЛСЯ ЧЕЛОВЕК.

Наконец, додумался один немец, Гутенберг. Это было 500 лет тому назад. Он сделал вырезные буквы, поставил их в ряд, чтобы вышло слово, намазал краской и припечатал бумагу. Слово отпечаталось. Вот, наверно, рад-то был, когда первый раз удалось.

Л И Т Е Р А

Рис. 2.

Теперь делают такие же штемпеля по одной букве. Их отливают из «гарта». Это сплав свинца с оловом.

Выходят такие четырехугольные столбики (литеры). На конце у них буква (очко). Вон на рисунке видно. Их делают разной величины. Для крупной печати (вот как сейчас

напечатано) и для самой мелкой. Вот вам для примера буква «У» семи разных величин:

У У У У У У У

А для афиш есть такие здоровенные буквищи, что и половина ее на странице этой книжки не уместится. Вот смотрите направо.

Ну, а все-таки как же печатать? Неужели каждую букву брать за свинцовый хвост, макать в краску и потом хлопать по бумаге букву за буквой? Да ведь это тоска была б смертная: ну-ка, выстукайте по букве вот всю эту книгу! А потом, как ни старайся, все равно вышло бы криво, косо. Да уж проще тогда взять да писать пером,—как в начале книги—куда скорей дело пошло бы. А главное, вся сила-то совсем не в том, чтоб попечатному выходило, а чтоб сразу печатать тысячи книг. Вот этой книги, например, отпечатают 10 000 штук.

Типография тем и сильна, что она хоть 50 000 штук напечатает и сделает это скоро.

Конечно, никто не тыкает по одной букве, а составляют из литер вроде как штемпель. Большой штемпель—в страницу величиной. Приставляют букву к букве, чтоб выходили нужные слова, и так—строчку за строчкой—составляют целую страницу. Теперь остается

Рис. 8,

намазать этот штемпель краской и... и что? Хлопнуть им по бумаге? Ну, и рассыплется весь этот штемпель по букровке. Да и как его поднять? Разумеется, не буквами хлопают по бумаге, а бумагу на буквы накладывают и притискивают.

На бумаге так все и отпечатывается. Сразу целая страница. Теперь опять намазывай краской по буквам—и снова накладывай бумагу. Так и пошел лист за листом.

ВЕРСТАТКА.

Но вот беда: очень трудно уложить буквы в строки, чтоб вышло ровно. А это не пустяк. Тут не в одной краске дело. Вот попробуйте почитать-ка это? Что, удобно? Как по буквам. Так это три строчки всего. А ну, как вся бы книга так?

Надо было выдумать что-нибудь, чтоб буквы становились ровно, в ниточку. Для этого выдумана верстатка.

Это железная полочка (рис. 4). Передней стенки у нее нет. В нее и кладут литеры. Литеры плотно ложатся на пол. Пол у этой полочки (верстатки) ровный, как линейка, и все литеры ложатся в линию.

Левый бок у полочки подвижной. Его можно двигать и закреплять в любом месте. От этого

ВЕРСТАТКА

Рис. 4.

полочка может делаться короче и длинней. Если страница широкая и строчки должны быть подлиннее, то бочок оттягивается подальше влево. Теперь остается набирать (ставить) в верстатку литеры, чтоб вышла строка. Набирает специалист — наборщик.

В левой руке он держит перед собой верстатку, а правой укладывает буквы.

Но неужели каждую букву надо рассматривать, чтоб узнать, какая? А то ведь, гляди, ляпнешь П вместо Н? Неужели каждой букве надо смотреть в очко, раньше чем поставить ее в верстатку? Это была б такая мука, да и дело двигалось бы черепашным шагом! Особенно если мелкие буквы: этак ослепнешь, пока страницу наберешь.

Делают так.

КАССА.

Все литеры раскладывают в большой плоский ящик с отделеньями (в кассу). В кассе таких отделений больше ста. В каждом отделеньице своя буква. В одном лежат одни только А, в другом В и т. д. (рис. 5). Надписей на отделениях никаких нет. Наборщик наизусть кассу знает. Он уж так привык, где какая буква, что рука сама тянется в нужную ячейку.

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	І
К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У
Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	
Э	Ю	Я							
У		Ч							
Ю	Ы	З							
Х	К	Л							
Щ	Ш	Ж							
Ъ	Я	б							

КАСА

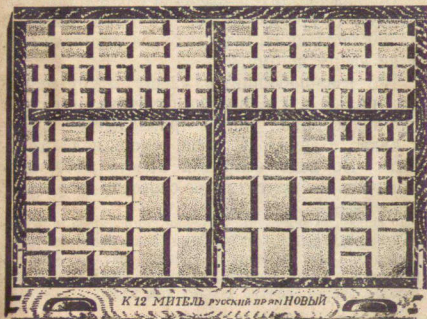

Рис. 5

Посмотрите-ка, ведь не все отделения в кассе одинаковые.

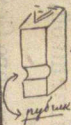
Это потому, что одних букв надо запасти много. Одни очень ходко идут, а другие редко требуются. Попробуйте, посчитайте для шутки хотя бы в трех строках: сколько тут О, и сколько Ф? О — самая ходкая буква.

Ну, хорошо. Наборщик знает, не глядя, какую он берет букву из кассы. Смотреть на очко не надо. Но ведь можно, не глядя-то, поставить букву вверх ногами. Вот как сейчас, наприклад. Как же тут быть? Кажется, без смотрения не обойтись. Верно: придется смотреть. Только наборщик смотрит не глазом, а пальцем.

На каждой литере сделана с одной стороны выемка (рубчик) (рис. 2). Этой выемкой надо класть вниз, и тогда буква станет прямо, а не вверх ногами.¹

Вот взял наборщик из кассы литеру, нащупал пальцем, где выемка (рубчик), и ставит рубчиком вниз. Так и прикладывает букву к букве. Кончилось слово, теперь надо отступить. Но ведь если так просто отступить и начать набирать другое слово, то дело будет

¹ Обратите внимание: на ручке канцелярского штемпеля всегда набит гвоздь. Гвоздь показывает, где верх штемпеля, чтоб не смотреть каждый раз и не ударить штемпелем вверх ногами: нащупал гвоздь — и ставь гвоздем вперед, печать выйдет как надо.

Литера

На каждой литере сделана с одной стороны выемка (рублик). Эти выемки, назовем их выемками, назовем их выемками, а не выемками, а не выемками.

Внимательно рассмотрим
на рисунке, как устроены
выемки. В каждой выемке
есть выемка, которая
называется выемкой.
Внимательно рассмотрим
на рисунке, как устроены
выемки. В каждой выемке
есть выемка, которая
называется выемкой.

плохо. Крайняя буква будет вихляться, склоняться, а за ней и соседи. Пропала вся работа. Надо этот пролет чем-нибудь забить, чтоб литеры стояли туго.

ШПАЦИИ.

Для этого есть специальные болванки. Они бывают разной толщины: то как кубики, то как пластинки. Их называют шпации (расстояния).

Шпации низенькие, они ниже литер. Они не отпечатаются на бумаге, и выйдет промежуток.

Наборщик старается, чтоб строчка кончалась хорошо, грамотно. Чтоб не вышло бы так: АМ на одной строчке, а ЕРИКА на другой. Тут вот и надо подбирать шпации, чтоб не вышло безобразно. То густо слова, то редко. Вот как сейчас.

Бывает, что надо какое-нибудь слово выделить и его напечатать особенно. Тогда лепит наборщик после каждой литеры шпацию, и получается, как говорят, в разрядку.

Я помню, когда я был мальчишкой, у нас в классе один ученик заявил:

— А знаете, ребята, про нашего Семенова в газете пропечатано, что он дурак! Верно! Я вырезку принес. Крупными буквами пропечатано.

И показывает издали. Смотрим, действительно: у него в тетрадке наклеена газетная вырезка, и крупными буквами по-печатному читаем:

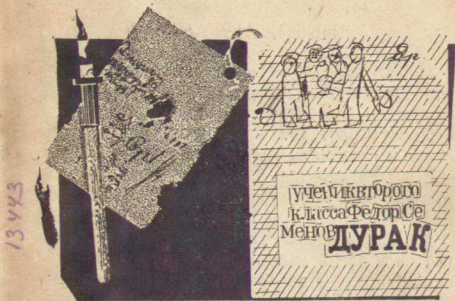

Рис. 7.

«Ученик второго класса Федор Семенов дурак».

Как будто и верно. Но что-то не то... И вдруг все стали кричать:

— Подделал! Пушка!

А это он вырезал из газеты буквы и аккуратно их наклеил в тетрадь. Вышло три строчки, но на беду он не мог расставить слова так, как это делает наборщик — промежутки

между словами вышли неправильные. И вот сразу даже мальчишки заметили. Нет, шпация не такое простое дело. Самому можно оказаться в дураках.

ВВЕРХ НОГАМИ.

Но вот наборщик закончил строчку. Забил все промежутки шпациями. Крепко стоит строчка в верстатке. Теперь можно вынуть строчку и поставить на доску. Только она не стоит и разваливается. В верстатке есть еще место. Можно поверх этой строки городить вторую. Вот таких строк, как тут, можно семь набрать сразу в верстатку, одну над другой.

Но ведь выходит, что первая строчка оказывается у нас в самом низу, а последняя — на самом верху. Этак придется читать страницу снизу вверх! А что, если сделать так: набирать все вверх ногами, то есть класть все литеры рубчиком кверху. А потом, когда будем перекладывать из верстатки на доску, — поставим первой строчкой кверху. Вот как надо набирать:

У поверх лбелрен нрдебен лелвербллю
Лбелрю положни свелхл вловоу
У эло влобля поверх нее
Эло вол нтел пелввя слбоакт

А поставить это на доску нужно как следует.

Это вот идет первая строчка.

А это вторая поверх нее.

Третью положим сверху второй.

А поверх третьей наберем четвертую.

Наборщик так и делает. Он набирает все вверх ногами, а выкладывает набор из верстатки как следует, весь сразу.

Одна вот беда.

Первую-то строчку хорошо набирать; пол у верстатки ровный, и тут уж нечего беспокоиться — первая строчка выйдет прямая. А вот вторая? Эта может выйти покривей: тут уж не на гладкий пол придется класть, а на литеры. Как бы греха не вышло... Скопишь вторую строчку, — третья уже наверно выйдет кривулиной.

ЛИНЕЙКА.

Тут наборщик пускается вот на какую хитрость. Наберет первую строчку и прикрывает ее сверху тонкой медной линейкой (пластинкой). Она ровная, не хуже, чем пол у верстатки. И вторую строку кладет наборщик на медную пластинку, как на пол. А когда строка готова вся до конца, наборщик аккуратно вытягивает из-под строки медную пластинку и кладет ее поверх второй строки —

это уж готов пол для третьей. Кончил третью, опять вытянул пластинку и подстелил ее для следующей строки.

Кончилась верстатка. Теперь самый рискованный маневр. Надо вынуть набор из верстатки и перенести на железную доску («уголок»). Тут уж надо быть фокусником. Наборщик ловко захватывает набор с двух концов обеими руками, зажимает его пальцами и переставляет на доску — ни одна литера не шелохнется, не во-

рохнется.

Дать бы это нам с вами — весь набор рассыплем. Так и посеем на пол.

НАБОРНАЯ ЛИНЕЙКА

Рис. 8.

Ну вот, сделал этот фокус наборщик. Набор — на уголке.

А как теперь его поставить? Как начать страницу?

УГОЛОК.

Ведь за этим куском, что вынут из верстатки, пойдет второй, третий. Как стену из кирпичей, надо из этих кусков выложить страницу. Надо же, чтоб эти куски легли ровно.

А то вот так вот получится, как тут. Смо-

трите: все вкось пошло, и концы выскочили,

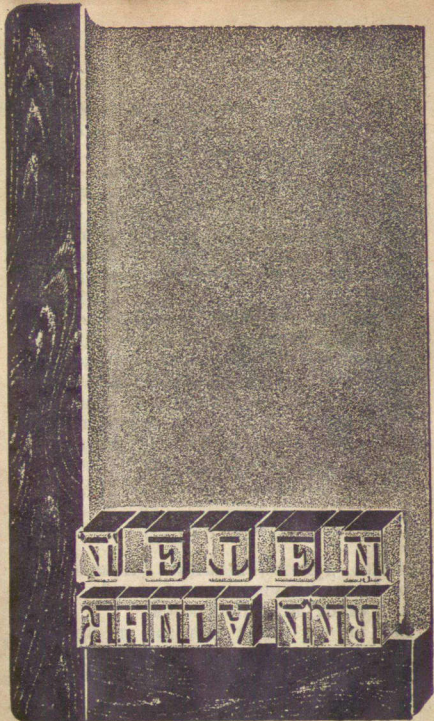

Рис. 9.

А попробуйте ровнять! Того и гляди, весь набор ходуном пойдет, и все начинай снова.

Вот, если б класть набор в коробку. Да чтоб коробка была ровной, как страница!

Вроде этого и устроено. Только не надо и коробки. Довольно двух сторон. Одного уголка хватит. Так и называют: уголок. Это гладкая железная доска, к ней снизу и справа приделаны борта (рис. 9). В этот уголок и примаживает наборщик кусок за куском. Куски ложатся ровно — и страница выходит ровной.

Когда уже страница готова, ее из уголка вон. Надо дать место другой.

Страницу натуго обвязывают веревкой, и теперь ее можно возить по гладкой намащенной доске во все стороны, как по льду ящик. Подставьте другую доску, и можно на нее безвредно стянуть из уголка всю страницу, а потом катать ее, как по катку, куда хочешь.

ФОРМА.

Можно, думаете, печатать? Намазал краской буквы и жми на них бумагу?

А в самом деле! Попробуем.

Вот то, что сейчас идет, так это прямо из набора. Здорово! Как ни старались, а все-таки кой-где кривенько вышло. А вот тут буквы

вверх нолаки. Здесь, глядите, забыл наборщик шпациювставить. Сейчас вот схватил не ту зукву, а то, может быть, в кассе, в ячейке не та литера попалась. Бывает, что запятой нет, где надо. Получаются опечатки.

Нельзя же так пускать. Особенно, представьте, если задачник да неверно!

Решает задачу ученик — не выходит. Все в ответе получается, что семья состояла из $9\frac{7}{11}$ человек мужчин и $\frac{6}{7}$ женщин. Три раза — и все то же самое. Вот и извольте!..

Позвали брата. Брат сидел-сидел. Верно, говорит; $\frac{6}{7}$ женщин, так и получается

— Ну, и ты, значит, дурак. Пойду к отцу.

Потеет теперь и папаша. Не хочет сдаться, стыдно.

А это просто напечатана задача с ошибкой. Одна цифра не та. Из-за нее дома до слез все переругались.

Мать мирила.

— Женщина-то, — говорит, — видно, девочка была: шесть ей, седьмой.

Попало и матери.

А виноват наборщик. Да что он? Машина, что ли? Ошибиться не может? Да ведь и в кассе могла быть цифра не в свое отделение положена.

И вот грохнут 20 000 таких задачников, и пойдет досада, и ругань повторится 20 000 раз.

Значит, надо глядеть, что печатаешь. И глядят. Раньше, чем пустить печатать, пробуют.

Укладывают набор страница за страницей, одна под другой. Страницы две-три сразу. Мажут краской.

Не то, что кисточкой из ведра — этак можно весь набор залепить, получилась бы темная ночь. Нет! Для этого есть валик. Валик намазывают краской и, держа за ручки, прокатывают по набору.

Потом этот набор покрывают бумагой — и под пресс (рис. 10).

Получается первый оттиск. Называется он формой.

Теперь на нем будет видно, как набрал наборщик.

Опечаток-то, опечаток!...

А вы знаете, что наборщик в час набирает 2000 букв? Это выходит 2 секунды — и буква. За это время надо успеть и в кассу слазить, и рубчик нащупать, и букву повернуть, как надо, и поставить в верстатку. Да все время в рукопись посматривать. А у иного писателя почерк еще похуже моего. Такого наворотит!... И на все это две секунды. Немудрено и наврать.

Теперь берется за дело корректор. Он читает, сверяя с рукописью, что вышло в формах, и отмечает ошибки на полях оттиска. Эта страница и есть первый оттиск. Вон и

Рис. 10.

набрапо зуква. Надо вместо з поставить б. Не развязывать же всю страницу, чтобы одну букву достать? Тут идет в ход шило.

Шилом подцепляет наборщик литеру «з», вытаскивает ее из набора, а на ее место аккуратно вставляет — «б».

Здесь что? Шпадия мала? Вытаскивает наборщик маленькую шпадию долой. Но ведь на ее место большую шпадию не втиснешь. Не влезет. Тут уж хитрость нужна.

По всей строчке ищет наборщик, где бы понемножку уменьшить шпадию, чтоб дать место—куда раздвинуть слова. Так вот ковыряет наборщик шилом по всем местам, где указал корректор: там букву перевернул, тут запятую вставил.

«Правит», как говорят.

А хорошо ли выправил? Опять сделают отпечаток — и снова корректору: вторая корректура. Пока совсем верно не будет. Да ведь и корректор—тоже человек. Гляди, и корректор ошибку проморгал. Редко бывает, чтобы уж так без единой опечатки и вышла книга. Ну, да не беда: уж коли корректор не заметил, читателю, пожалуй, и наверно не углядеть.

БАБАШКИ.

Уж известно: если есть какое необычное расстояние — значит, что-нибудь в набор за-

бито. И забито что-нибудь низкое. Такое, что ниже литер и потому не отпечатывается. Конечно, вставлены между строк полоски. Наберет наборщик строчку и вставит низкую линейку, а потом уж на нее горюдит вторую строку. Эти линейки называют шпонами. Эта страница «набрана на шпонах». Шпоны бывают разные: и шире и уже. Вон смотрите, какие широкие сейчас пошли.

А можно и еще шире закатить.

А ну-ка, замечаете разницу, как сейчас пошла печать? Вот на этой странице? Реже строки. Правда? Я думаю, сами теперь можете догадаться, как это сделано.

Представьте себе, что мне понадобилось, или просто блажь пришла: хочу, чтоб мне на четверть страницы напечатали по самой середине одно слово:

Таракан!

Семь всего букв. Семь литер. Как же они держаться будут в пустом поле? Чем их укрепить, подпереть?

А вот все это пустое поле в наборе-то оказывается вовсе не пустое.

Оно все сплошь забито кубиками — бабашками.

Они ниже литер и потому на бумаге и не вышли. Бабашки подпирают и держат мои семь литер.

И не то еще можно сделать. Можно напечатать вот этак:

Поставить литеры уступами,

а вокруг бабашки.

Можно и в круг буквы поставить и пустить слова крест-на-крест или змеей какой-нибудь.

А видали вы, в книгах в конце главы ставят черты? Это линейкой называется. Шабаш, значит, кончил.

Это уже готовая такая есть полоса в типографском наборе. Ее вставляют в набор и подпирают бабашками.

Бывают и похитрее, позатейливей финтифлюшки.

Вот я сейчас эту главу кончу и попрошу типографию, чтоб мне поставили в конце самую разухабистую завертушку, которая концовкой называется.

КЛИШЕ.

орошо. Выходит, что можно и финтифлюшки вставлять, и буквы вкось пускать, и разными буквами (шрифтами) набирать. Полосочки вставлять, черточки... А вот можно ли набрать страницу моим почерком? Настоящим, вот как я пишу? Неужели как раз такие буквы специально заготовили? Да я ведь и пишу-то по-разному. Поглядите-ка на первую страницу: там не только мои буквы, а в точности все, как я писал и как чиркал, и как на полях чортиков из клякс делал—все как есть. Подите

спросите в лавке другую такую книгу и увидите, что там в точности то же самое на первой странице. И во всех десяти тысячах так напечатано. Напечатано—это верно. Да только не набрано. В наборе чортиков нет, клякс тоже. И рож никаких тоже нет. Никакими бабашками и линеечками рисунка не передашь.

Сделано это так.

Я написал страницу. Пока писал,—марал на полях чертей. Потом с этой страницы сняли фотографию, как снимают портрет. На фотографической стеклянной пластинке вышла моя страница так: белая бумага вышла черной, а чернила белыми.

Это всегда на фотографической пластинке все выходит наоборот — светлое темным, а темное светлым, совсем прозрачным.

Это называется негатив.

Теперь, если этим негативом прикрыть специальную цинковую пластинку, покрытую особым составом, и выставить на свет, то получится вот что: где черное — там свет не пройдет. Чернота, как ставень, будет закрывать цинк от света. А там, где бело, — там свет пройдет и подействует на эту специальную пластинку. И подействует так, что потом все кругом можно вытравить кислотой, только тех мест, куда свет попал, не вытравишь. Они будут стоять, как острова. И все мои буквы и все мои черточки будут выпукло стоять. Полу-

Рис. 11.

чится рельеф. Это называют цинковое клише. На странице 32-й изображено такое клише. Оно сделано по рисунку, помещенному на стр. 15.

Теперь, если его намазать краской и придать к нему бумагу, получится отпечаток, как от штемпеля. Готово дело! Можно печатать. Клише набивают на деревянную колодку, чтоб оно было такой же вышины, как и весь набор.

Конечно, я мог бы вместо чортиков что-нибудь порядочное нарисовать (коли умел бы). На этой странице вышло бы клише с рисунка. Так и делается.

Художник рисует картину, с нее снимают фотографию и делают клише.

А можно клише делать и не с рисунка, а с фотографии.

МАШИНА.

се рисунки, что здесь в книге, так и сделаны. Цинковое клише закрепляют среди набора, а потом валики вымажут его краской вместе с литерами заодно. Надавят бумагой — и выйдет страница с картинкой.

Сейчас увидите, как это делается уже всерьез, а не на проу для корректуры.

Предстоит задача напечатать десять тысяч книг в 44 страницы, с картинками, моим почерком, с концовками, с заставками,¹ и все это требуется сделать скоро, к сроку.

Набор как будто у нас уж есть. Среди литер закреплены бабашками клине для картинок. Вставлены готовые, отлитые из свинцового сплава, финтифлюшки для концовок и заставок. Местами даже пущены замысловатые заглавные буквы. Все это уложено в набор по страницам.

Теперь весь этот набор надо заправить в машину, и пусть машина сама и краской его мажет, пусть и бумагу кладет и прижимает сама, пускай и выкладывает отпечатанные листы.

Есть такие машины.

Подробно рассказывать, как они устроены, — это надо целую книгу писать. А я скажу только, в чем самая суть дела.

Представьте себе стол. На этом столе уложен набор — страницы нашей книги.

Этот стол может ездить взад и вперед. Называется он талер. К нему сверху прижат цилиндр, — в типографии он барабаном называется, — а около цилиндра валики, которые краску намазывают. Поехал талер — завертелся и цилиндр, с ним и валики. Теперь,

¹ Заставка — это рисунок, что печатается в начале главы.

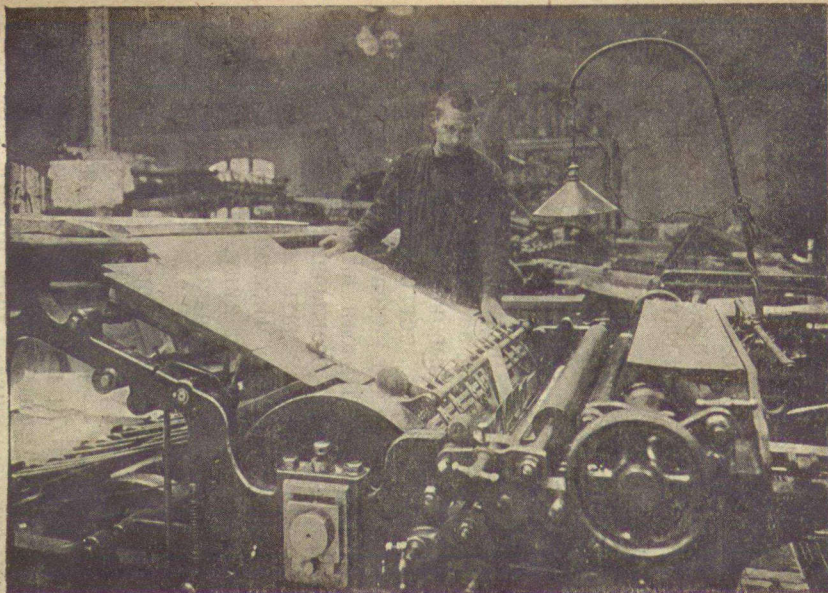

Рис. 12. Накладчик берет лист и спускает его в машину.

если на цилиндре лист бумаги положен, то дело готово. Лист прокатится по всему набору, и все буквы и клише отпечатаются. Проехал талер — и готов лист. Талер откатывается назад — подсовывайте на барабан лист, не зевайте! Опять проехал талер под барабаном, и барабан, как вальком, придавил бумагу к набору.

Бумагу подсовывает специальный рабочий — накладчик. Устроено так, что барабан сам потащит бумагу, если положить лист на нужное место. Он ее, как пальцами, клапанами захватывает и тащит.

Накладчик стоит на возвышении около машины. Рядом с ним на машине лежит стопа бумаги. Он берет лист и спускает его в машину как раз в тот момент, когда талер откатился назад и барабан на секунду как будто приостановился. Накладчик уж не должен зевать, а то талер ждать не будет и порожняком проедет назад. Накладчик и не зекает. Он спускает лист в машину, барабан этот лист захватывает, и машина затягивает его между барабаном и талером.

Машина с другой стороны сама выкладывает отпечатанные листы. Правда, не очень ровно кладет, — так что приходится ставить человека, чтобы подравнивал.

Когда смотрите, кажется, что машина живая: сама затягивает лист, прокатывает его по

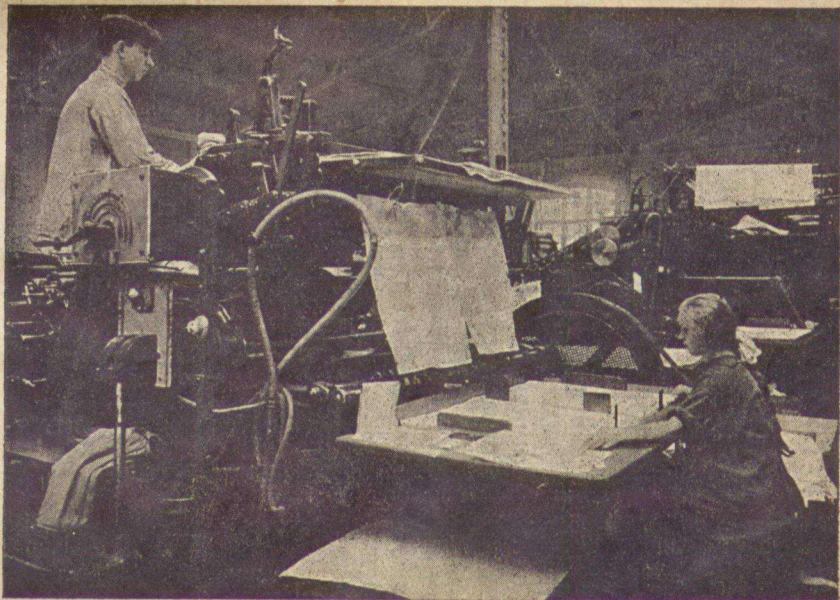

Рис. 13. Машина с другой стороны сама выкладывает отпечатанные листы.

набору и сама выкидывает готовые листы. У ней как будто пальцы есть. Три секунды — и лист.

Тут же над талером устроены валики с краской: талер ездит под ними, и они натирают набор краской.

ТИПОГРАФСКИЙ ЛИСТ.

Но вот как разложить набор на талер? В каком порядке выложить страницы? ¹

Это вы сами можете сейчас решить. Возьмите лист бумаги, сложите его пополам, еще пополам — вот у вас уже книжечка в восемь страниц. Теперь перегните еще раз — вышло шестнадцать страниц. Вот теперь пронумеруйте страницы. Только не разрезайте. А залезайте карандашом внутрь.

Пометили страницы? Теперь разверните лист, как он был. Смотрите-ка, что получилось:

на одной стороне:				а на другой:			
5	12	9	8	7	10	11	6
4	13	16	1	2	15	14	3

Вот какая каша. А если теперь сложить этот лист снова книжкой, как он был сложен,

¹ Типографы говорят: «как спустить форму».

сшить его, как тетрадь, и разрезать страницы, то окажется, что вовсе не каша, а номера страниц идут правильно, по порядку.

В немного измененном порядке, как стоят страницы на развернутом листе — их и расставляют на талер, вот так:

на одной стороне:

8	9	12	5
1	16	13	4

на другой стороне:

6	11	10	7
3	14	15	2

Пустьят машину, накладчик знай листы подсовывает, отпечатают 10 000 таких листов по восьми страниц сразу. Выйдет, конечно, пока только с одной стороны.

Потом отпечатают тем же манером и другую сторону. Только набор на талере переменят. Отпечатаются другие восемь страниц (шестнадцать страниц в листе). Напечатают одну сторону, перевернут лист бумаги — и на другую. Потом разрежут пополам — и выйдет два экземпляра.

Рассмотрите эту книжку хорошенько. Увидите, что она состоит из тетрадок. Это все сложенные листы. Шестнадцать страниц — и лист. Вон посмотрите: на 17-й странице стоит в уголке маленькое 2; это значит — начался второй лист. На 33-й будет стоять 3.

Отпечатанные листы складывают в тетрадки фальцовщицы (в типографии говорят не складывать, а фальцовать). Делают они

это очепь ловко. Раз! — согнула и косточкой пригладила. Два! — опять пригладила. Каждый перегиб надо пригладить. И вот надо же так наловчиться, чтоб три с половиной тысячи листов за день сфальцовать! Да еще очень аккуратно, чтобы страница точно одна на другую ложилась.

РЕДАКЦИЯ.

Ну, кажется, я уж свое дело сделал: написал про эту книгу. Теперь надо пойти в Государственное Издательство и сказать там:

— Вот написал. Печатайте. Верно говорю: хорошая книга!

Так, думаете, сразу и ухватятся, обрадуются и сломя голову бросятся в типографию: набирайте! правьте! суйте в машину! да поживей!

Ну, не-ет...

Это уж я пишу, как побывал в Государственном Издательстве.

Было вот как.

Какая-то девица копалась в бумагах. Я ей говорю:

— Вот я книжку написал.

И сую рукопись.

Она даже на меня не взглянула.

— Про что у вас там?

— Про книгу, говорю, для детей... Хорошо написано.

Хотел уж похвалить свою работу.

А она как отрежет.

— Чего вы идете, не спрося? Несите в редакцию детского отдела. Здесь корректорская! Написано, кажется, на дверях!

Я выскочил. Тут уж в коридоре стал спрашивать, где это.

— Шестой этаж, комната 58.

Я в шестой этаж. Вот и № 58. — Редакция.

Сидят три дяди.

Я опять:

— Вот напечатайте, пожалуйста. Может быть...

Один — в очках, бритый. Взял мою рукопись. Перевернул две-три страницы.

— Нет, — говорит, — дорогой мой, так нельзя. Перепишите все на машинке. У нас нет времени разгадывать ваши каракули.

Нечего делать. Отдал переписчице. Отстукала она мне всю книгу на машинке. Я стал читать. Ой, опечатки. Фу, ты. Прошел все. Исправил остороженько пером.

Приношу опять в редакцию. Опять взял; что в очках.

Понял очки на лоб и стал читать про себя. Одну страницу прижал, потом из середины другую. Близко нагнулся к бумаге, чуть что не носом по строчкам водит.

У меня душа из головы — в пятки, из пят-
ток — в голову.

Как на экзамене.

А он бормочет:

— Скучновато, кажется, написано. И сует
другому.

— Прочти!

Другой помоложе, вихрастый. Вид у него
свирепый. Он засунул рукопись в портфель.

— Зайдите, — говорит, — через неделю,
я просмотрю.

— Там, — говорю, — все как надо. Я ведь
знаю, я сам писал.

— Вы знаете, а мы не знаем. Мы не можем
печатать, что попало. Мы за каждую книгу
отвечаем. Может быть, вам кажется, что хо-
рошо, а мы найдем, что никуда не годится.
И не мешайте нам, мы сейчас заняты.

Прихожу через неделю.

Молодой достал мою книгу.

Я смотрю — там на полях отметки: и вопро-
сительные знаки, и восклицательные, и отчерк-
нуто, и подчеркнуто. На полях все исписано.
Закорючки какие-то...

А молодой отворачивает страницу и тычет
пальцем:

— Вот тут у вас, например! Что тут напи-
сано?

«Накладку идет вручную. То есть наклад-
чик работает рукой. Он быстро засовывает ее

в машину. Барабан ее захватывает, и машина затягивает ее между барабаном и талером».

Я уж струсил.

— А что? — шепчу я. — Ну, да... затягивает машина.

— Да что, что затягивает? У вас выходит, что руку. Десять тысяч рук, что ли, надо накладчику, чтобы калеккой эту работу кончить? Поняли?

— Бумагу... Я ж написал там, что бумагу...

А редактор тычет ногтем в строчку и читает:

— «Работает рукой... быстро засовывает ее»... Кого «ее»? Руку, выходит, и засовывает! Иначе как же понять? И такого у вас тут, знаете, полным-полно.

— Так, значит, не годится?

— Вы вот что: исправьте и приходите. А тогда и поговорим.

Пришел я домой—и давай все с самого начала просматривать. Ну-ну! верно: и наворотил же я!

Сидел, поправлял.

Исправил, наконец, все. Снова несу.

Проглядел уж тот, что в очках, и говорит:

— Ничего пока сказать вам не можем. Надо дать прочесть специалисту. Могут попасться какие-нибудь промахи в технических описаниях. Мы вас вызовем. У вас телефон есть?

А сам все по строчкам глазами водит, и как раз попало то место про накладчика. Но уж на том месте, где у меня машина калечила накладчика, было исправлено. Исправил я сверху пером:

«Он спускает лист в машину. Барабан этот лист захватывает, и машина затягивает бумагу между барабаном и талером».

Теперь книгу отдали специалистам-типографам. Что-то они скажут?

Да, теперь я знаю, что такое редакция!

А теперь вы прочтите, читатели. Что-то вы мне скажете?.

